

Манеж цирка ярко освещен. У входа стоит Игорь Кио в элегантном фраке и говорит в микрофон: «Искусство иллюзиона впечатляюще, но абсолютно безопасно...». На манеж выходит девушка, свет гаснет и...

...Вокруг девушки на манеже пылает пламя, слышен только треск искр, зрители задержали дыхание: конечно, «искусство иллюзиона безопасно», но становится жутко, когда верхние ряды, «галерку» цирка обдает настоящим, неподдельным жаром...

Но это будет во втором отделении. А сейчас Лидия Ясинская — «сгорающая девушка» — сидит в гардеробной за книгой и не обращает внимания на то, что вокруг нее постоянный шум — утробилась в страничку. Шум привычный: в одном коридоре гардеробной тренируются акробаты, в другом — крутятся на перекладине воздушная гимнастка. Рядом сидят три девушки, и, хотя разговор их идет о совсем посторонних вещах, чувствуется, что атмосфера насыщена предстоящим выходом на манеж. А Лидия читает книгу...

Наверное, страшно это — сгорать дотла каждый вечер?

— Нисколько, — улынулась Лидия. — Вы же видите: я остаюсь всегда живой и здоровой...

Здесь тайна. Тайна, которую знают только Кио и его ассистенты. Даже мать Лиды Ясинской не знает профессиональных секретов дочери и каждый вечер очень волнуется за нее.

Но ничуть не меньше волнуется Евгений Николаевич Николаев — отчим Эллы Анзорге. Элла — воздушная гимнастка. Хрупкая девушка, как белая птица, летает высоко под куполом цирка. Удивительны ее движения: смелые, изящные, легкие. Недаром ее профессия неотделима от слова «воздушная»... Тревожно зарокотал барабан, Элла готовится к голово-

ЗА КУЛИСАМИ МАНЕЖА

кружительному прыжку, замерли зрители, замер — в который уж раз! — стоящий за кулисами Евгений Николаевич. Последний удар барабана, и, конечно, все благополучно. Иначе и быть не могло: это искусство, тысячи раз повторенное на труде.

Элла и ее партнер Виктор Голиков выбегают с манежа. Закончилось очередное выступление, заканчивается очередной трудовой день. Каждый такой день приносит огромную радость артистам цирка.

— Нашу профессию мы получаем на всю жизнь, — говорит Евгений Николаевич. — И я, и мать Эллы тоже артисты цирка. Я и родился в цирке, на конюшне Ковенского цирка Веселовского. Помню, там было страшно холодно — дуло изо всех щелей...

Мы рассмеялись. В цирке нельзя без шутки... Мне показалось даже, что улыбнулся огромный черный дог, сидящий у входа на арену. Может быть, он действительно все понял? Где есть животные умнее, чем в цирке!

А рядом с грохотом катились какие-то разукрашенные тележки, передвигались необычные ящики, в стороне разминались два силача в черном трико...

Они вернулись после выступления возбужденные. «Вот видишь, — говорил один, — подержали «самолетик» немного дольше, и эффект совсем другой!». За кулисами Геннадий Минасов и Валентин Васечкин продолжали работать над своим номером.

Их профессия — силовая акробатика. Спорт, ставший искусством. Да они и раньше были спортсменами. Неоднократные призеры первенств СССР по акробатике. Но цирк — это совсем другое.

— В спорте ошибка влечет за собой потерю очков, — говорит Валентин, — здесь ошибка акробатов набросит тень на всю программу. Мы ответственные перед товарищами и потому крайне внимательны.

Интересно разговаривать с этой парой. Они теперь неразделимы: если сказал один, другой тут же продолжает, и кажется, что говоришь с одним человеком. Они чувствуют каждое движение друг друга.

— Тренируемся постоянно, — говорит Геннадий. — Когда мы выступали на первенствах СССР, мы жили по особому режиму. Тренировки, тренировки, тренировки... Перешли в цирк и убедились, что в спорте мы были очень мало загружены...

Мы сидим в небольшой, ярко освещенной комнате. Здесь их костюмы для выступлений, на столах перемишу с коробочками грима — книги, рядом с зеркалом, большим, во всю стену — бутылка минеральной воды... По воскресеньям они живут в цирке целый день: два утренних и одно вечернее представления. И целый день — на ковре: и в коридоре гардеробной, и на арене...

Гардеробная — на втором этаже, а внизу, у входа на манеж,

все уже готово ко второму отделению. Скоро зрители начнут ломать себе головы, доискиваясь причин, по которым исчезают люди, дивясь, почему остается невредимой сгорающая в жарком пламени девушка... Каскад смелых, остроумных иллюзий принесет на манеж Игорь Кио.

Оказывается, все ящики на колесах, тележки, будки телефонов-автоматов, громоотдающие, казалось бы, в беспорядке за кулисами,

приготовлены для его выступления. Однако порядок здесь строгий. Все движения ассистентов продуманы и точно определены. Секреты иллюзий остаются секретами только тогда, когда они очень быстро сменяют друг друга. Не должно быть ни секунды задержки. И потому сосредоточенно приготовились ассистенты Кио, потому так быстро летает игла в руках старшей костюмерши аттракциона Кио Анны Федоровны Моисеевой — она спешно подшивает платье одной из ассистенток. Очень важна здесь скорость, а у Анны Федоровны она есть.

Спокойнее всех сам Кио. — Волнуюсь перед выходом и я, — говорит Игорь, — но волнение, на мой взгляд, должно вызывать творческий подъем...

Но вот — занавес, и Игорь Кио появляется на манеже. И тут началось... Что толку писать об этом аттракционе! Его надо видеть. В средние века эти иллюзии сочли бы чудом. Но Кио не чудотворец, он просто романтик цирка. Они все романтики: и Элла Анзорге, и Виктор Голиков, и Геннадий Минасов, и Валентин Васечкин, и Евгений Николаевич Николаев, игравший в цирке еще до революции, и все, все артисты цирка. В их страстной любви к арене очень быстро убеждаются зрители, и еще быстрее убедился в этом я, попавший за кулисы манежа.

В. АГРОНСКИЙ.